

МЕСТО, ГДЕ ГОРЫ ПОМНЯТ

BLACK WITCH

Black Witch

**МЕСТО, ГДЕ ГОРЫ
ПОМНЯТ. Мистический роман**

«Автор»

2026

Witch B.

МЕСТО, ГДЕ ГОРЫ ПОМНЯТ. Мистический роман / В. Witch —
«Автор», 2026

Студент-филолог Егор приезжает на летние каникулы к бабушке в маленькую алтайскую деревню Кара-Суг, затерянную между горами, лесами и холодной рекой. Он помнит это место с детства как тихое и почти сказочное. Но теперь деревня кажется другой: слишком пустой, слишком настороженной, словно люди здесь говорят не всё, а горы слушают каждое слово. По ночам Егор слышит шаги за стеной, видит огни там, где нет домов, встречает старуху, которой не должно быть в живых, и узнаёт, что его семья связана с древним местом силы — перевалом, куда местные жители стараются не подниматься после заката. С каждым днём граница между сном, легендой и реальностью становится тоньше. Духи Алтая требуют, чтобы забытое было названо, украденное — возвращено, а долг крови — оплачен. Но самая страшная тайна ждёт Егора не в горах. Она ждёт его дома.

© Witch B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога в Кара-Суг	5
Глава 2. Бабушкин дом	9
Глава 3. Ночной гость	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

МЕСТО, ГДЕ ГОРЫ ПОМНЯТ. Мистический роман

Глава 1. Дорога в Кара-Суг

Автобус шёл по горной дороге так медленно, будто боялся разбудить Алтай.

За мутным стеклом тянулись серые склоны, тёмные леса и далёкие вершины, над которыми неподвижно висели тяжёлые облака. Иногда облака разрывались, и тогда в просветах появлялся снег — не на земле, а высоко, на зубчатых хребтах, где лето казалось чужим и временным.

Егор сидел у окна, прижав к коленям старый рюкзак. В рюкзаке лежали ноутбук, две сменные футболки, толстая тетрадь для заметок, диктофон, купленный на распродаже, и книга по фольклору народов Сибири, которую он взял из университетской библиотеки больше для вида, чем для дела.

Ему было двадцать лет. Он учился на втором курсе филологического факультета в Новосибирске, писал курсовую о мифологических мотивах в современных страшных историях и искренне считал, что уже умеет отличать легенду от выдумки, а выдумку от страха.

Через несколько дней он поймёт, что ошибался.

Дорога петляла вдоль реки. Вода внизу была тёмная, быстрая, с белыми прожилками пены. Она билась о камни так яростно, будто хотела что-то сказать, но не могла подобрать человеческих слов.

В автобусе пахло мокрой одеждой, бензином и дешёвым табаком. Пассажиров осталось немного. Две женщины с большими сумками спали через проход. Седой мужчина в камуфляжной куртке держал на коленях клетку с курицей и время от времени шептал ей что-то успокаивающее. Впереди мальчик лет семи ел сухари и смотрел в телефон без звука.

Егор достал мобильный. Связь пропала уже час назад. На экране осталась только пустая строка, где раньше были деления сети.

Он усмехнулся.

Вот и началась настоящая деревня.

Кара-Суг был местом его детства, хотя правильнее было бы сказать — местом нескольких летних месяцев, разбросанных по жизни, как фотографии в старом альбоме. Он приезжал туда к бабушке почти каждое лето до тринадцати лет. Потом начались экзамены, кружки, подготовка к поступлению, городская жизнь, первая девушка, первая сессия, первая работа на полставки. Деревня постепенно стала чем-то вроде сна: деревянный дом с резными наличниками, печка, запах сушёных трав, бабушкины руки, прохладная река за огородами и горы, которые вечером темнели так быстро, будто кто-то заливал их чернилами.

Последние семь лет он не был там ни разу.

Мать говорила, что бабушка стала странной. Забывчивой, упрямой, суеверной. Звонила редко, а если звонила, то говорила одно и то же: «Пусть Егор не приезжает на Ивана Купалу», «Не пускай его к старому перевалу», «Если услышит ночью бубен — пусть не отвечает».

Мать после таких звонков вздыхала и говорила:

— Возраст. Что поделаешь.

Но этим летом она сама попросила Егора съездить.

— Проведай её. Две недели всего. Заодно отдохнёшь от своего города.

— Почему ты не поедешь?

Мать отвернулась к окну.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Работа.

Она сказала это слишком быстро.

Теперь, сидя в старом автобусе, Егор вспоминал этот разговор и чувствовал лёгкое раздражение. Он не любил семейные недомолвки. Особенно такие, которые прятались под словами «потом расскажу» и «не бери в голову».

Автобус резко затормозил.

Курица в клетке возмущённо закудаhtала. Мальчик выронил сухарь. Женщины проснулись.

— Что там? — спросил кто-то.

Водитель, крепкий мужчина с красным лицом, молча смотрел вперёд.

Егор вытянул шею.

На дороге стоял конь.

Белый.

Совершенно белый, будто вырезанный из тумана.

Он появился сразу за поворотом, посреди узкой трассы, и не двигался. Ни седла, ни узды на нём не было. Грива мокрая, длинная, свисала почти до глаз. От его боков шёл пар, хотя день был не холодный.

— Откуда он тут? — пробормотал мужчина с курицей.

Водитель открыл окно и крикнул:

— Эй! Пошёл!

Конь медленно повернул голову.

Егор вдруг почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Не от страха даже, а от странного узнавания. Белый конь смотрел прямо на него. Через лобовое стекло, через весь салон, мимо водителя и пассажиров.

Егор моргнул.

На мгновение ему показалось, что глаза у коня не тёмные, а светлые, почти человеческие.

— Пошёл, говорю! — водитель нажал на гудок.

Звук ударил по горам и вернулся глухим эхом.

Конь не испугался. Он сделал шаг к автобусу, потом ещё один. Его копыта не цокали по асфальту. Совсем. Будто он шёл не по дороге, а по мягкому снегу.

Женщина через проход перекрестилась.

— Не надо сигналить, — тихо сказал седой мужчина.

Водитель обернулся.

— Что?

— Не надо, говорю. Пусть сам уйдёт.

— Да ты что, дед, совсем? У меня расписание.

— Здесь расписания нет, — сказал седой. — Здесь дорога чья надо дорога.

В салоне стало тихо.

Конь подошёл почти вплотную. Егор видел капли воды на его морде, тонкие жилки под кожей, пар из ноздрей. Потом животное медленно опустило голову, словно кланяясь кому-то в автобусе.

И исчезло.

Не убежало, не отступило в туман, не свернуло к обочине.

Просто было — и не стало.

Водитель выругался так, что женщины снова зашептали молитву.

— Все видели? — спросил мальчик с сухарями.

Никто ему не ответил.

Автобус тронулся только через минуту. Водитель больше не говорил, не включал радио, не ругался на поворотах. Его руки лежали на руле слишком крепко.

Егор попытался убедить себя, что конь всё-таки ушёл. Просто угол обзора, туман, усталость после дороги. Горы и правда обманывали зрение: то камень покажется человеком, то куст — зверем.

Но седой мужчина с курицей вдруг повернулся к нему.

— Ты к кому едешь, парень?

— В Кара-Суг.

— К кому?

— К бабушке. К Анне Степановне Черновой.

Мужчина долго смотрел на него. Потом тихо сказал:

— А-а. Значит, всё-таки позвала.

— Кто?

Седой отвернулся к окну.

— Не бабка твоя.

Егор хотел спросить ещё, но автобус уже въезжал в деревню.

Кара-Суг лежал в низине между двумя лесистыми склонами. Дома стояли редко, словно каждый держался на расстоянии от соседа. Почти у всех были покосившиеся заборы, поленницы, сараи и маленькие огороды. Над крышами висел дым, хотя лето было тёплым. За деревней темнел лес, а за лесом поднималась гора — широкая, угрюмая, с голой каменной вершиной.

Егор помнил эту гору.

В детстве бабушка запрещала ему смотреть на неё после заката.

Автобус остановился у магазина с облупившейся вывеской «Продукты». Водитель открыл двери.

— Кара-Суг.

Егор вышел последним.

Воздух ударил в лицо запахом мокрой земли, дыма и трав. Где-то далеко кричала птица. Над деревней стояла такая тишина, что Егор услышал, как вода стекает с крыши магазина в ржавую бочку.

Автобус захлопнул двери и уехал, оставив после себя сизый выхлоп.

На крыльце магазина сидела старуха в тёмном платке. Егор заметил её не сразу. Она была маленькая, сухая, с лицом, испещрённым морщинами, как старая береста.

Старуха смотрела на него не мигая.

— Здравствуй, Егорка, — сказала она.

Он замер.

— Мы знакомы?

Старуха улыбнулась беззубым ртом.

— Были знакомы. Пока ты не забыл.

— Простите, я...

— Ничего. Здесь все вспоминают. Рано или поздно.

Она поднялась с крыльца и неожиданно крепко схватила его за запястье. Пальцы у неё были ледяные.

— Слушай меня. Как придёшь к Анне, не пей воду из синего ковша.

Егор попытался высвободить руку.

— Что?

— Не пей. Не смотри в зеркало после полуночи. Не отвечай, если ночью мать позовёт.

— Моя мать в городе.

— Вот именно.

Старуха отпустила его и посмотрела куда-то за спину.

— И на гору не ходи. Пока сама не попросит.

— Кто попросит?

Но старуха уже ковыляла прочь вдоль забора.

— Кто попросит? — повторил Егор громче.

Она не обернулась.

В этот момент где-то в деревне залаяла собака. Другая ответила ей. Потом третья. Лай покатился по улицам, как тревожный сигнал.

Егор стоял у магазина с рюкзаком на плече и внезапно понял, что никто не вышел посмотреть на приезжего. Ни одно лицо не появилось в окнах. Ни одна калитка не скрипнула.

Только занавески в ближайшем доме чуть дрогнули.

Он выдохнул, поправил рюкзак и пошёл по дороге к бабушкиному дому.

Каникулы начинались.

Глава 2. Бабушкин дом

Дом Анны Степановны стоял на краю деревни, там, где улица превращалась в травяную колею и уходила к реке. За огородом начинались заросли черёмухи, дальше — каменистый спуск, а за ним шумела вода.

Егор узнал дом сразу, хотя за семь лет он стал ниже, темнее, будто врос в землю. Брёвна почернели от дождей. Резные наличники облупились. На крыше зеленел мох. У ворот висела старая подкова, а рядом — связка высохших трав, перевязанная красной нитью.

В детстве Егор думал, что это украшение.

Теперь почему-то не был уверен.

Он толкнул калитку. Она издала долгий жалобный скрип.

Во дворе пахло полынью и дымом. У сарая лежали дрова, аккуратно сложенные под навесом. На верёвке сушились тёмные платки. У крыльца стояло ведро с дождевой водой, и в его поверхности отражалось небо — тяжёлое, серое, неподвижное.

Дверь открылась прежде, чем Егор успел постучать.

На пороге стояла бабушка.

Анна Степановна была маленькой, сухой, с прямой спиной и ясными серыми глазами. Волосы, совсем белые, были убраны под платок. На ней было тёмное платье и шерстяная кофта, хотя день оставался тёплым.

— Приехал, — сказала она.

Не спросила. Утвердила.

Егор улыбнулся.

— Привет, бабуль.

Он шагнул к ней, хотел обнять, но она подняла руку.

— Через порог не обнимаются.

Он неловко остановился, переступил порог и только тогда обнял её. Бабушка пахла печным дымом, мятой и чем-то горьким, лекарственным.

Она похлопала его по спине.

— Вырос.

— Семь лет прошло.

— Для тебя семь. Для гор — ничего.

Егор усмехнулся, решив, что это такая местная поэтичность.

Внутри дом почти не изменился. Та же печь с побелкой, тот же круглый стол под окном, тот же буфет с фарфоровыми чашками, тот же ковёр на стене. Только икон в красном углу стало больше, а рядом с ними висели странные вещи: пучки трав, маленькие мешочки из ткани, костяная подвеска, похожая на птичий коготь, и медный колокольчик.

— У тебя тут как в музее, — сказал Егор.

— В музее мёртвое лежит, — ответила бабушка. — А у меня живое.

Он не нашёлся, что сказать.

Бабушка поставила на стол миску с горячими лепёшками, варенье из жимолости и чайник. Егор вдруг понял, что голоден до тошноты.

— Руки мой. Потом ешь.

Умывальник висел у двери. Над ним было маленькое зеркало в потемневшей деревянной раме. Егор наклонился, плеснул водой в лицо и поднял глаза.

В зеркале за его спиной стоял человек.

Высокий, тёмный, в мокрой одежде.

Егор резко обернулся.

Никого.

Только бабушка у печи, спокойно режущая хлеб.

— Что? — спросила она, не глядя.

— Показалось.

— Здесь часто кажется. Ты не всему верь, но и не всё отрицай.

Он снова посмотрел в зеркало. Теперь в нём отражалась только узкая комната и его собственное побледневшее лицо.

За столом бабушка почти не расспрашивала его о городе. Только слушала, как он рассказывал про университет, общежитие, экзамены, преподавателей. Слушала внимательно, но Егор чувствовал, что мысли её где-то далеко.

— Мама просила передать привет, — сказал он.

Бабушкина рука замерла над чашкой.

— Просила?

— Ну да.

— Сама попросила?

— Бабуль, что за допрос?

Анна Степановна поставила чашку.

— Она знает, что ты приехал?

Егор нахмурился.

— Конечно. Она же сама меня отправила.

За окном внезапно налетел ветер. Сухие травы у красного угла зашуршали, хотя окна были закрыты.

Бабушка медленно перекрестилась.

— Значит, время пришло.

— Какое время?

— Ночью дверь не открывай.

— Бабушка.

— Что бы ни услышал. Кто бы ни звал. Даже если мой голос. Даже если материн. До первых петухов дверь закрыта.

Он отложил ложку.

— Ты можешь нормально объяснить?

Анна Степановна посмотрела ему прямо в глаза.

— Могу. Только ты не поверишь.

— Попробуй.

Она молчала так долго, что Егор решил: не скажет.

Потом бабушка встала, подошла к буфету и достала маленький ключ на чёрной нитке. Ключ был старый, железный, с круглой головкой.

— Это от сундука в моей комнате. Если со мной что случится, откроешь.

— Что с тобой может случиться?

— Со всеми что-нибудь случается.

— Бабуль, прекрати.

Она положила ключ перед ним.

— Не потеряй.

Егор хотел возразить, но в этот момент в сенях что-то скрипнуло.

Они оба повернули головы.

Скрип повторился. Медленный, осторожный. Будто кто-то переносил вес с одной половины на другую.

— Ты кого-то ждёшь? — шёпотом спросил Егор.

Бабушка приложила палец к губам.

Сени отделяла от комнаты тонкая дверь с крючком. Дверь была закрыта. За ней снова скрипнуло.

Потом раздался стук.

Три удара.

Тихие, вежливые.

Тук. Тук. Тук.

— Анна Степановна, — сказал за дверью мужской голос. — Откройте.

Егор выдохнул.

— Да это сосед, наверное.

Он поднялся, но бабушка схватила его за руку с такой силой, что стало больно.

— Сиди.

— Но там человек.

— Не человек.

Стук повторился.

— Анна Степановна, — голос стал мягче. — Я знаю, мальчик приехал. Надо поговорить.

Егор почувствовал холод вдоль позвоночника.

Голос за дверью был незнакомый. Но в нём слышалось что-то странное, неправильное, как в записи, которую растянули и снова сжали. Слова звучали почти естественно, но между ними были слишком ровные паузы.

— Кто это? — одними губами спросил он.

Бабушка не ответила. Она смотрела на дверь.

— Егор, — сказал голос.

У него пересохло во рту.

— Егор, выйди. Я тебя ждал.

Бабушка медленно поднялась и взяла с полки медный колокольчик. Позвонила один раз.

Звук получился тонкий, чистый, неожиданно громкий.

За дверью что-то зашипело.

Не человек. Не зверь.

Будто мокрые угли залили водой.

— Уходи, — сказала бабушка. — Он не твой.

Тишина.

Потом голос засмеялся. Тихо, почти ласково.

— Пока нет.

Шаги в сенях удалились.

Егор стоял посреди комнаты, не чувствуя ног.

Бабушка повесила колокольчик обратно.

— Ешь, — сказала она. — Остынет.

— Что это было?

— Первое предупреждение.

— Чьё?

Она села напротив.

— Горы узнали, что ты вернулся.

Глава 3. Ночной гость

Вечером деревня исчезла.

Не буквально: дома стояли на местах, заборы темнели вдоль улицы, из труб поднимался редкий дым. Но после заката Кара-Суг будто перестал быть человеческим местом. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа телеги, ни лая собак. Даже река, казалось, шумела тише, словно и она боялась привлечь внимание.

Бабушка закрыла ставни, проверила засовы на дверях и рассыпала у порога тонкую дорожку соли.

— Это от кого? — спросил Егор, стараясь говорить спокойно.

— От тех, кто ходит не ногами.

— Очень информативно.

— Смейся днём. Ночью не надо.

Она постелила ему в маленькой комнате, где он спал в детстве. Там всё осталось почти прежним: узкая кровать, полка с выцветшими книгами, деревянный ящик для игрушек, на стене — старая карта Алтайского края. Только над окном теперь висела красная нить с привязанными к ней перьями и маленькими косточками.

— Бабушка, а это точно не перебор?

— Спи головой к стене. Если сон плохой будет — не вставай сразу. Сначала три раза имя своё скажи.

— Зачем?

— Чтобы вспомнить, кто ты.

Она ушла, оставив ему свечу и фонарик. Электричество в доме было, но лампочка под потолком мигала, словно собиралась умереть.

Егор лёг, не раздеваясь полностью. Телефон по-прежнему не ловил сеть. Он открыл заметки и написал:

«День первый. Белый конь на дороге. Старуха у магазина. Голос в сенях. Бабушка ведёт себя так, будто я приехал не в гости, а на собственные похороны».

Он перечитал последнюю фразу и стёр.

Потом снова написал:

«Нужно выспаться».

Но сон не шёл.

Дом жил ночной жизнью. Потрескивали брёвна. Где-то под полом шуршала мышь. В печи оседала зола. Ветер трогал ставни, и они отвечали короткими сухими щелчками.

Егор лежал на спине и смотрел в темноту.

Он пытался объяснить случившееся рационально.

Белый конь? Местная лошадь. Туман. Усталость.

Старуха? Деревенская знакомая бабушки, которая помнила его маленьким.

Голос в сенях? Сосед, пьяный или не совсем здоровый. Бабушка не захотела открывать. Остальное — его воображение.

На этом месте из сеней донёсся тихий стук.

Егор перестал дышать.

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

Тук.

Он сел на кровати.

Стук был не в наружную дверь. Он звучал ближе. Будто кто-то стоял внутри дома и стучал ногтем по стене.

Тук.

Тук.

Тук.

Егор взял фонарик и включил. Луч выхватил из темноты край стола, стул, карту на стене, закрытое окно.

Стук прекратился.

Он прислушался.

Тишина.

И вдруг за стеной, у самой его головы, кто-то прошептал:

— Егорка.

Голос был женский.

Он похолодел.

— Егорка, ты спишь?

Это был голос матери.

Не похожий. Не напоминающий.

Её голос.

Тот самый чуть усталый, низкий, с мягким городским произношением.

— Сынок, открой.

Егор медленно повернул голову к стене. За ней не было комнаты. Только улица. Закрытое ставней окно выходило во двор.

— Мам? — вырвалось у него.

Сразу после этого в соседней комнате что-то громко упало. Бабушка крикнула:

— Молчи!

Егор зажал рот ладонью.

За стеной стало тихо.

Потом голос матери изменился. Стал ниже.

— Ты же хотел знать, почему я не приехала.

Слова прошли сквозь стену, как холодная вода.

— Открой окно, Егор. Я всё расскажу.

Он смотрел на ставню.

Деревянная щеколда медленно поднялась сама.

Егор вскочил. Фонарик выпал из рук и покатился под кровать. Комната погрузилась в полутьму.

Щеколда дрогнула ещё раз.

— Не слушай! — крикнула бабушка из-за двери. — Им нужен ответ!

— Кому им?

— Не называй!

За окном тихо засмеялись.

Теперь голос был уже не материнский. В нём смешались сразу несколько голосов: женский, мужской, детский и какой-то совсем старый, хрипящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.